

Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики

Л. О. Чернейко

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Аннотация. Предлагается нетривиальный подход к изучению механизма ассоциирования смыслов и слов в речи, который позволяет рассмотреть не равноправное их соединение, а проекцию неизвестного и/или непонятого на элементы опыта коллективного, отлитого в узуальной сочетаемости языковых единиц, или индивидуального, создающего окказиональную сочетаемость. Цель исследования – дать развернутое теоретическое обоснование использованию термина «проекция» в когнитивной лингвистике и в когнитивной поэтике как складывающейся парадигме знаний о художественном тексте (ХТ), а также термину «проективный смысл», позволяющему подойти к таким традиционно выделяемым тропам, как метафора, сравнение и метаморфоза с единых позиций. Теоретической базой исследования являются разрабатываемые автором концепция грамматичности сочетаемости абстрактных субстантивов с вторичными предикатами, метод моделирования сложившихся в культуре и складывающихся в художественном идиолекте представлений об абстрактном феномене, исчисляемых в проективных смыслах, и принципы лингвистического моделирования смысловой структуры ХТ. Аргументация релевантности термина «проекция» в лингвистике опирается на научные достижения отечественных и зарубежных лингвистов, однако историческая перспектива требует признания приоритета в разработке метода, который позже получил название «концептуальный анализ слова», за такими отечественными лингвистами, как А. Белый и В. А. Успенский. В математическом термине «проекция», который взят на вооружение лингвистикой, релевантной для когнитивистики представляется идея зависимости неизвестного от известного в процессе его ментального освоения, а также идея «картинная плоскость», которую приме-

Чернейко Л. О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 158–170.

нительно к лингвистическим задачам можно интерпретировать как предметную плоскость, заполненную результатами повседневного опыта. Проективные смыслы (проективы) предлагается рассматривать как чувственные и логические образы абстрактного феномена, в которых осмысляются его значимые для культуры профили (стороны, аспекты) и которые направляют сочетаемость его имени, а набор проективов представляет собой верифицируемую модель содержания абстрактного имени. В статье предлагается значимое для когнитивной поэтики установление сходства (по проективности) когнитивной метафоры и сравнения и их когнитивные и структурные различия: логическая избыточность сравнения и логическая необходимость когнитивной метафоры для дискурсного бытия абстрактных имен. В сравнении как разновидности широко понимаемой метафоры явлен «формообразующий инстинкт» (О. Мандельштам), в котором знание преобладает над зрением, метафизика – над физикой, индивидуальное – над всеобщим.

Ключевые слова: терминосистема, художественный текст, когнитивная поэтика, вещная коннотация, проекция, проективный смысл (проектив), когнитивная метафора, сравнение.

УДК 81-13

DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-158-170

Контактная информация: Чернейко Людмила Олеговна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия, avollis@mail.ru)

Посвящается Владимиру Андреевичу Успенскому

1.1. Разговор о когнитивной поэтике и, шире, когнитивной семантике не может обойтись без имени В. А. Успенского и таких его предшественников – корифеев отечественной лингвофилософской мысли, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. М. Пешковский и А. Белый, которые в первой четверти прошлого века заложили основы современной мировой когнитивистики. Термин «языковое знание» (И. А. Бодуэн де Куртенэ), понимание грамматики как науки, которая устанавливает принципы членения «речи-мысли» (А. М. Пешковский), методика анализа сочетаемости субстантива, раскрывающая его ассоциативный ореол и заложившая основу современного концептуального анализа «ключевых слов» культуры, эпохи, идиолекта (А. Белый) и принципы обнаружения «вещных коннотаций абстрактных существительных» определили тот новаторский вектор лингвистического анализа речи, который из маргинального в XX в. по отношению к структурной лингвистике превратился в магистральный на рубеже веков и продолжает им оставаться в отечественной лингвистике нашего времени.

1.2. Будучи лингвистом и математиком, В. А. Успенский хорошо понимал различие в гуманитарном и математическом типах мышления и сформулировал его как «различие в понимании слов» (терминов в первую очередь): математики «оперируют точной терминологией», хотя «в качестве терминов нередко используют слова обычного языка» [Успенский, 2012, с. 27], а «у гуманитариев семантика размывается». Методологически важными представляются такие призывы

к исследователям, как призыв «задуматься над отношением между моделью и моделируемой реальностью» и между «доказанным и всего лишь гипотетическим» [Успенский, 2012, с. 31–38]. Научно-исследовательская концепция математика-лингвиста позволяет утверждать, что математичность лингвистического сознания состоит отнюдь не в использовании специального математического языка в лингвистике, а в использовании аксиоматического метода, суть которого состоит в том, что «новое понятие вводится путем указания тех свойств, которыми оно должно обладать», а «приписывание свойств понятию происходит путем формулирования соответствующих аксиом» [Там же, с. 27]. Итог наблюдений за научной речью лингвистических конференций позволяет к современному состоянию когнитивной лингвистики применить характеристику «ненаучная метаречь» (подробнее об этом см. [Чернейко, 2012]), поскольку эта речь не отвечает тем базовым требованиям, которые предъявляются к научной речи (или метаречи) и состоянию терминосистемы в частности. П. Флоренский считал, что «всё содержание науки... сводится именно к терминам в их связях, которые (связи) первично даются определениями терминов» [1990, с. 229], и призывал науку к «устроению терминологии» (к терминоустроению). Призыв П. Флоренского особенно важен для любой новой отрасли знания, которая ищет границы своего объекта и создает теоретическое обоснование этих границ, т. е. аксиоматику. Не исключение и когнитивная поэтика.

В. А. Успенский сформулировал следующую социально значимую научно-исследовательскую закономерность: «Чем наука дальше от математики, чем она... гуманитарнее, тем сильнее убедительность того или иного высказывания зависит от авторитета того, кому это высказывание принадлежит» [2012, с. 40]. Но такое положение только повышает ответственность исследователей за всё ими сказанное, а также ставит лингвистику перед необходимостью разработать в какой-то степени единую систему когнитивного измерения художественного текста и, шире, когнитивного подхода к языку. А в науке подход не что иное, как метод анализа, в результате применения которого гуманитарная наука очерчивает границы своего объекта (подробнее об этом см. [Чернейко, 2015]). У структурной лингвистики были и свой метод, и свой очерченный им объект. Постулаты структурной лингвистики хорошо известны. Главное, что они представляют собой набор аксиом, без чего никакая наука и никакие научные направления немислимы. Постулаты когнитивной семантики тоже известны [Баранов, Добровольский, 1997]. Что касается первого и главного постулата «о примате когнитивного», то он заставляет, с одной стороны, задуматься над тем, какая же эмпирическая реальность дана в руки лингвисту и, шире, филологу. Ответ простой: если не привлекать междисциплинарные исследования, то лингвист имеет дело с речью – устным или письменным текстом, а его позиция, определяемая в терминах двух типов грамматик, пассивная, равная позиции слушающего. Об устройстве языка как виртуальной системы лингвистика может рассуждать исходя из анализа речи и только гипотетически.

2.1. Термин «коннотация» не сдает своих позиций. Он прочно обосновался в лингвистике вне зависимости от используемого ею метода и создаваемого им лингвистического объекта. Исследователи, разрабатывающие проблему коннотации, обычно ссылаются на то определение термина, которое более 20 лет назад дал Ю. Д. Апресян и в котором коннотации определяются как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия», выражающие «оценку

соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян, 1995, с. 159]. Возникает закономерный вопрос о связи параметра «несущественность» коннотативного признака с термином «понятие», в сигнификате которого представлены только существенные, лингвистически релевантные признаки, обеспечивающие слову как языковому знаку его дистинктивную (предметоразличительную в широком смысле) функцию, включающую и дискретизацию континуума идеального. Но в этом же определении важной представляется связь коннотации с семиотизированным предметом внеязыковой действительности, тогда как наиболее распространенным является приписывание коннотации слову. Семантической биографии термина «коннотация», включающей и его географию, посвящено достаточно много работ, а от термина «коннотация» отпочковались такие аналитические видообозначающие термины, как коннотация «стилистическая» и «культурная». Налицо стремление лингвистики преодолеть ту размытость зоны референции термина «коннотация», которая вскрывается в определении В. Н. Телия, считающей коннотацию «семантической сущностью» языковых единиц, выражающую «эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности» [1995, с. 5]. Такая широта понимания коннотации требует переосмысления тех ассоциаций слова и стоящего за ним явления, которые рождают его образное видение и выделение которых составляет едва ли не главную цель филологического анализа художественного текста.

2.2.1. Типологии метафор созданы давно, хотя нет единой и общепринятой их классификации. Но по-прежнему особого рассмотрения требует тот тип метафоры, который в концепции Н. Д. Арутюновой определен как «когнитивная» («предикатная»). Обнаруживается этот тип метафоры в сфере речевой репрезентации невидимых сущностей, в первую очередь – сферы психосоматики: переживаний, эмоций, чувств. Но если в образной метафоре мотив их соединения достаточно очевиден, хотя и выражен имплицитно (*Лучи стоят столбами пыли*. Б. Пастернак; *стена дождя, сеть морщин*), то в метафоре когнитивной отношения сложнее, поскольку она имплицитная (*авторитет лопнул; горькая истина; В окошко закрытое горькая мудрость стучит* – А. Блок). Именно этот тип метафоры представлен во всех примерах, которые анализирует В. А. Успенский в широко известной статье о вещных коннотациях абстрактных существительных [1997], выводя их из сочетаемости этих существительных с вторичными предикатами (страх *нападает, душит, парализует*; горем *убит*, горя *хлебнул*; радость *переполняет*; авторитет *падает, лопнул, дутый*). Эти ставшие классическими примеры обнаруживают в сочетании с субстантивом реализацию связанного переносного значения предикатного слова, что позволило В. Н. Телия [1981] определить адъективные и глагольные синтагмы имени как «связанную сочетаемость». Этот тип сочетаемости правомерно выделен ею в самостоятельный из достаточно разнородных синтагм (*впасть в бешенство, в отчаяние, в сомнение, в бедность*, с одной стороны, и *преклонный возраст, с другой*), объединенных у В. В. Виноградова общим названием «фразеологически связанное» значение одного из компонентов.

2.2.2. Об особенностях сочетаемости абстрактных имен (АИ) с «вещными» предикатами, т. е. с предикатами предметных имен, В. А. Успенский написал в 1979 г., а в качестве гипотезы выдвинул предположение, что «это явление имеет достаточно распространенный характер» [Успенский, 1997, с. 151]. Причин, по которой АИ обрастают вторичными предикатами, две: первая – это эмпирическая

пустота абстрактной сущности и вторая – ее «переживаемость» социумом. По мысли философа Федора Степуна, именно переживание является «первопонятием», что в терминах когнитивной лингвистики может быть названо «первичной когнитивной структурой». Переживание как психосоматический квант индивидуального сознания является структурой особого рода: оно «постоянно дарует человеческому знанию все его объекты» («как физическую вещь, так и психический процесс... как математическую формулу, так и мистический иероглиф»); «порождая понятие», оно «не отражается в понятии, не становится его предметом», но «как бы расцветает им» [Степун, 1991, с. 108, 111–112]. «Живая вода переживания» наполняет художественный текст.

Идеи свободы, равенства и братства, демократии, счастья и т. п. переживаются носителями русской культуры по-разному, и проекции у них в текстах разных жанров разные. Так, идея свободы оценивается двояко, о чем свидетельствуют сочетания *дар свободы, свободу подарили и обрушившаяся на нас свобода*, как и демократия, что послужило основой для шутки: *А демократия – это хорошо? – Да кто его знает. Она как обратная сторона луны – много говорят, но никто не видел*. И феномен счастья «переживается» нестандартно: есть *ползучее счастье* (Литературная газета (ЛГ). 2017. № 14), *к счастью приучают* (Огонек. 2016. № 5), драматург А. Володин определил счастье как *всего лишь пустынное слово среднего рода* (ЛГ. 2019. № 5). Ключевыми словами затянувшегося в отечестве момента преобразований стали слова *кризис* (*пересидеть кризис, как ненастную погоду; кризис рассосется* – ЛГ. 2016. № 1–2) и *оптимизация*. Но если в дискурсе чиновников имя *оптимизация* отмечено знаком «плюс», то, как показывают многочисленные контексты употребления этого слова в речи обыденной, а также в статьях слабоопозиционных СМИ, отражающих обыденное мнение, это слово имеет в сигнификате сему 'изъятие' и явно выраженную пейоративную окраску, например: *пресловутая оптимизация* (ЛГ. 2017. № 21), *Оптимизация обернулась для учителей большой проблемой* (Огонек. 2013. № 6), *Должность психолога во многих школах была оптимизирована* (ТВ. 05.09.2017), *Диспансеризацию "оптимизировали": из нее, в частности, убрали не только биохимический анализ крови, но и обиды* (Огонек. 2017. № 5). На глазах происходит процесс возникновения своего рода энантиосемии: в содержании этого слова, восходящего к латинскому этимону *optimum* (наилучшее) и сохранившему в русском языке этот положительный смысл прибавляется прямо противоположное значение, которое становится узальным.

2.3. Что касается пустоты абстрактной сущности, то она состоит в следующем: нет у этой умопостигаемой, но «бестелесной вещи» (определение М. В. Панова) собственных свойств, информация о которых передавалась бы первой сигнальной системой – органами чувств, поскольку абстрактные сущности – сами свойства и отношения, но гипостазированные, представленные языком как фрагменты субстанции. Эти «бестелесные вещи» не локализованы, подобно телам, во времени и пространстве. Их единственное материальное тело – означающее знака, зацепившее «единое во многом» (слова Аристотеля). В непредметных абстрактных именах нет имманентно присущей им «наглядности», т. е. того перцептивного образа, который связывается с именами визуально воспринимаемых фрагментов физического мира. Но о таком «ненаглядном» предмете невозможно ни думать, ни рассуждать. И сочетаемость АИ с вторичными предикатами – это ответ языка на запрос духа думать о бестелесных вещах, переживать их, поскольку они явля-

ются той мерой, которую разум прилагает к действительности, формируя разные пласты реальности» [Чернейко, 2010, с. 6]. Причина, по которой связь имени абстрактной сущности с вторичными предикатами представляет собой факт распространенный и достоверный, кроется в том, что эта связь по природе своей обязательна и потому – грамматична. В основе опредмечивания абстрактной сущности и придания ей наглядности лежит такой механизм, как ее проекция на предметный, вещный мир.

3.1. Термин «проекция» математический. Математический словарь дает его сугубо математическое определение, но вводит этимон – лат. «бросание вперед». Проекция определяется через процессуальный глагол «проецировать» (проецирование). Важно, что плоскость, на которую проецируется произвольная точка *A*, называется двояко – «плоскостью проекций» и «картинной плоскостью». Картинной плоскостью для проецирования произвольно избранного индивидуумом (или социумом) значимой, переживаемой абстрактной сущности (resp. ее имени) является и предметный мир, и мир абстрактных, но более понятных феноменов (время – ‘деньги’). Таким образом, по сочетаемости АИ можно обнаружить проективные смыслы стоящей за ним абстрактной сущности, а именно из них конструируется концепт, представляющий собой модель содержания АИ, охватывающую все ассоциативные связи абстрактной сущности (феномена), включая ее проекции и не только вещные [Чернейко, 2012; 2015]. В концепции М. Блэка идее проекции как механизму создания метафоры отводится едва ли не решающая роль: «...мы как бы “смотрим” на главный субъект “сквозь” метафорическое выражение – или, говоря другими словами, главный субъект “проецируется” на область вспомогательного субъекта» [Блэк, 1990, с. 165]. Проецируется менее известное (или вовсе не известное), менее понятное, пустое для наглядности (основной субъект метафоры) на более известное, понятное, наглядное (вспомогательный субъект). Проекция как особая интеллектуальная операция требует одновременного наличия в сознании представлений об обоих субъектах (основном и вспомогательном), но она «не сводима к простому их сравнению» [Там же, с. 167]. Действительно, можно говорить о неравноправии членов проекции. Ассоциация, будучи механизмом объединения в сознании самых разных феноменов (и их имен), может осуществляться по самым разным основаниям, тогда как проекция всегда предполагает зависимость проецируемого феномена (неизвестного, непонятного) от ясной и понятной «картинной плоскости», от наличия и расположения на ней фигур.

Если иметь в виду «пустые для наглядности», но значимые для культуры абстрактные феномены, то их проекции отражают всю палитру накопленного культурой опыта как социального, так и индивидуального, сложно преломленного непостижимым миром, включающим систему социальных ценностей. Важно при этом иметь в виду, что никогда не видевший иероглифа человек вряд ли обнаружит его очертания в кракелюре. **Проективные смыслы можно рассматривать как чувственные и логические образы абстрактного феномена, в которых осмысляются его значимые для культуры профили (стороны, аспекты) и которые направляют сочетаемость его имени.** Набор проективных смыслов (проективов) представляет собой верифицируемую модель абстрактного феномена и имени этого феномена.

В ассоциативном ореоле АИ раскрывается проективно-предметное бытие абстрактного феномена в идеальном пространстве коллективного бессознательного.

На закономерный вопрос, почему нельзя оставить, например, «вещные коннотации», коль скоро существуют коннотации «стилистические» и «культурные», предлагаемый для обсуждения ответ может выглядеть так. 1. Термин «проективный смысл» задает описанию тот вектор, для которого Л. В. Щерба предложил название «активная грамматика» и который связан с моделированием позиции говорящего, т. е. с возможностью обнаружения и представления аксиологических (шире, мировоззренческих) механизмов текстопорождения. Проективные смыслы представляют собой модель семиотизированного фрагмента, поэтому они имеют лингвокультурологический статус. 2. В этом термине снято противоречие между чувственными и логическими образами. Статус проективных смыслов зависит от типа значения предикатной лексики, с которой сочетается АИ: если эти значения переносные, метафорические (а они всегда связанные), то проектив символический (мифологический), если же предикатная лексика не меняет своего типа значения и функционирует с АИ в своем прямом значении, то статус проектива логический (понимаемый). 3. Для когнитивной поэтики важно, что этот термин позволяет объединить все проекции абстрактного феномена и очертить ассоциативный ореол его имени независимо от способа их языкового выражения в метафорфе, метафоре или сравнении, что позволяет осуществить единый комплексный подход к изучению языка подобий, представленного в художественном тексте.

3.2. В проекционной деятельности нашего сознания важным представляется мировоззренческий аспект рассмотрения проективных смыслов феноменов (внеязыковых сущностей), моделируемый по сочетаемости слов и вскрывающий позицию говорящего, его «картинку» мира, с одной стороны, и изменение представлений социума о фрагментах мира, с другой. На вопрос «Где искать картину мира?» убедительный ответ дал А. Белый в статье 1922 г. Если говорить об объекте анализа и применяемом методе, то именно с этой работой А. Белого перекликается статья В. А. Успенского о вещных коннотациях существительных: глагольная и адъективная сочетаемость имен – главный лингвистический «герой» их исследования с той лишь разницей, что А. Белого интересуют картины (образы) неба, луны и солнца в трех идиолектах (А. Пушкина, Ф. Тютчева и Е. Баратынского), а В. А. Успенского – образные представления, сложившиеся в русской культуре о таких непредметных абстрактных феноменах, которые выделяются именами *авторитет*, *радость*, *страх* и *горе*.

Вывод А. Белого о том, что в идиолекте выбранных им авторов существуют «три картины, три мира, три солнца, три месяца; три воды; троякое представление о воздухе; и – троякое небо» [Белый, 1922, с. 10], вытекает из анализа «суммы всех слов о солнце» (и о других телах). Этот анализ является ответом на вопросы, «Каково отношение Пушкина к воде, воздуху и прочим стихиям природы?» и «Каково отличие солнца Пушкина от солнца Тютчева?» [Там же, с. 9]. Изучая сочетаемость слов *небо*, *луна*, *солнце* в поэтических текстах, А. Белый обнажает источник тех красок, которыми создаются портреты стоящих за этими словами видимых миру космических тел и небесной тверди: «Изучение трех “природ” трех поэтов по трем зрительным образам нас способно ввести в глубочайшие ходы их душ и в тончайшие нервы творчества» [Там же, с. 18]. А зрительные образы извлекаются из информативной сочетаемости существительных либо с вторичными предикатами, либо со словами, своей внутренней формой указывающими на модус состояния небесного тела (*отуманенный*): Луна у Пушкина движется – *пробе-*

гает, обходит (небо), *скользит, играет, дрожит*; у Тютчева нет луны, но есть Месяц – *гений неба*; Месяц Баратынского – *призрачный* и «летейский», но главное, «что по небу ходит его слово пустое», тогда как он в душе поэта, и его «манит за край земли».

Анализ языка текстов С. Довлатова с «позиций» А. Белого и В. А. Успенского и с применением метода проективных смыслов позволил обнаружить такую особенность художественного приема писателя, как проекцию «неалкогольной сферы (жизни) на алкогольную», что является свидетельством «трансформации норм повседневной жизни» [Чернейко, 2017, с. 156] его персонажей, включая и повествователя.

4.1. Широко понимаемый язык подобий, по-разному представленный в текстах разных жанров, имеет и свой лексикон (знаменательные слова – *похожий, напоминать, сходствовать*, предлоги – *подобно, вроде, типа* и др.) и свою грамматику (сравнительная степень прилагательных, творительный и родительный сравнения, сравнительный оборот, придаточное сравнительное), достаточно хорошо освоенные лингвистикой. Но подход к анализу художественного текста с помощью инструмента «проективный смысл» имеет большое, как уже было сказано, значение, поскольку в нем снято различие между поверхностными, грамматически различными формами воплощения проекций одной сущности на другую. Когнитивно значимым аспектом изучения компаративного пространства художественного текста представляется соотношение восприятия (перцепции) фрагмента мира и индивидуального опыта субъекта речи, которое воплощается в таком типе семантической аттракции, который традиционно называется «сравнением».

Определяя функциональную особенность поэтического сравнения, Р. Якобсон и О. Манделштам в разное время высказали созвучные мысли: сравнение – «один из методов введения в поэтический оборот ряда фактов, не вызванных логическим ходом повествования» [Якобсон, 1987, с. 294], в нем заключена сила, «прямо пропорциональная возможности без него обойтись», потому что сравнение «никогда не диктуется нищенской логической необходимостью» [Манделштам, 1991, с. 237]. Логически факультативное сравнение имеет эстетическую ценность именно в силу своей факультативности. **Существенное, когнитивно значимое различие метафоры и сравнения как языковых средств выражения подобия двух явлений определяется логической избыточностью сравнения в структуре текста и логической необходимостью когнитивной метафоры для дискурсного бытия абстрактных имен.**

В проекции происходит такое удвоение воспринимаемой реальности, которое связано не с логикой познания мира, а с активизацией памяти и обращением субъекта восприятия (и/или субъекта речи) к своему индивидуальному опыту. В сравнении (*глаза как угли, волосы копной разметались по плечам, шевелятся, точно змеи* – А. Иванов. Сердце Пармы) эмпирическая реальность окружающего мира, отображенная в имени основного субъекта сравнения (уподобляемого – *глаза, волосы*), соединяется с реальностью сознания, воплощенной в имени вспомогательного субъекта (уподобляющего – *угли, змеи*), что позволяет описать индивидуальное восприятие единственной и неповторимой конкретной ситуации.

Проекция как форма выхода субъекта восприятия из эмпирической реальности, как повод от нее уйти в метафизику сознания интровертна по своей сути. В сравнении (как одной из языковых форм проекции) говорящий оказывается во власти не столько воспринимаемого предмета, сколько собственного сознания,

для которого предмет мира – лишь стимул, расширяющий пространство личностного в воспринимаемом мире и индивидуального взаимодействия с ним. **В сравнении как разновидности широко понимаемой метафоры явлен «формообразующий инстинкт» (О. Мандельштам), в котором знание преобладает над зрением, метафизика – над физикой, индивидуальное – над всеобщим.** Для метафизики сознания проекции (метафоры, метаморфозы, сравнения) представляют собой возможность активизации индивидуального опыта, раздвигающей границы «предмета-для-всех» за счет введения в них его нетривиального видения: *Печаль, что лето прошло, легла теплой росой на душу, как летний туман на прибрежные воды. Вольга согнул свою душу, как лук, и сцетил ее тетивой воли* (А. Иванов. Сердце Пармы). Элементы знания-опыта (апперцепции) семантически ассимилируют элементы перцепции, раздвигая при этом границы воспринимаемого мира до безбрежности духовного (resp. жизненного) опыта человека. Как писал Э. Сепир, «именно это постоянное взаимодействие между языком и опытом выводит язык из неприветливого ряда таких чистых и простых символических систем, как математическая символика или сигнализация флажками. Это взаимодействие языкового символа и элемента опыта – не только сокровенный ассоциативный факт, но также и факт, обусловленный конкретной ситуацией» [Сепир, 1993, с. 228].

Т. Радбиль¹ предложил рассматривать лирику и наррацию как «две версии когнитивного моделирования реальности» и как два способа отношения Я к реальности – «пребывание в событии» (наррация) и «пребывание в переживании» (лирика). Очевидны связи между основным субъектом сравнения, который «пребывает в событии», принадлежит перцепции и явлен в наррации, и вспомогательным субъектом, принадлежащим совершенно другой модальности сознания – ее жизненному и духовному опыту, т. е. актуализированному переживанию не физически воспринимаемой действительности, а своей метафизичности (лирика). Становится понятной логическая избыточность сравнения для наррации и ее совершенная необходимость и непреходящая этическая и эстетическая ценность для лирики. Можно утверждать, что в любой нарратив сравнение вносит лирический момент как способ отображения личностью самой себя. И в устойчивых сравнениях, употребляемых в повседневной речи, явлено творческое, поэтическое отношение к повседневности, часто осложненное ее оценкой.

4.2. Создав словарь проекций, извлеченных из сравнений, представленных в художественных текстах, можно обнаружить различия в опыте, но чем? Осмелюсь допустить: не персонажей, не повествователя или рассказчика, а личности самого автора. Так, если глагол *казаться*, имеющий субъектную валентность, выраженную дативом, однозначно указывает на персонажа, в чьем сознании происходит проекция одного явления на другое (например: *В бледном свечении облаков храм – измельчавший, утончившийся, словно съеденный светом, – казался Калине гроздьё колокольчиков над травяным колком.* А. Иванов. Сердце Пармы), то в сравнительном обороте трудно определить, чей опыт актуализирован, из чьего индивидуального пространства извлекается вспомогательный субъект сравнения, например: *Никто не заметил его исчезновения, потому что канун праздника*

¹ Радбиль Т. Б. Лирика и наррация как две версии когнитивного моделирования реальности. Доклад, прочитанный в рамках круглого стола «Когнитивная поэтика в лингвистической перспективе». Институт языкознания РАН, 16 октября 2018 г.

был жутким, как пророчество (А Иванов. Сердце Пармы). Попутно отмечу, что в этом предложении со сравнительным оборотом идет проекция непредметной сущности (отрезка времени) на другую непредметную сущность (пророчество), которая мыслится как стандартная причина страха.

Вывод. В математическом термине «проекция», который взят на вооружение лингвистикой, релевантной для когнитивистики представляется идея зависимости неизвестного от известного в процессе его ментального освоения, а также идея «картинная плоскость», которую применительно к лингвистическим задачам можно интерпретировать как предметную плоскость, заполненную результатами повседневного опыта. Модель ассоциативного ореола абстрактного имени представляет собой пространство, членимое на проективные смыслы, которые выделяются при анализе его глагольной и адъективной сочетаемости и входят в зону его «конвенциональной образности». Проективные смыслы (проективы) можно рассматривать как инструмент лингвистического моделирования чувственных и логических образов абстрактного феномена, в которых осмысляются его значимые для культуры профили (стороны, аспекты) и которые направляют сочетаемость его имени, а набор проективов представляет собой верифицируемую модель содержания абстрактного имени. Для когнитивной поэтики важность этого инструмента состоит в том, что он позволяет, с одной стороны, снять различие между такими тропами, как метафора, сравнение и метаморфоза (в них явлена проекция), что важно для описания языка подобию художественного текста с единых когнитивных позиций, а с другой – установить не менее значимое для когнитивной поэтики базовое отличие когнитивной метафоры от сравнения, которое заключается в логической необходимости когнитивной (мифологической) метафоры для функционирования имен абстрактных сущностей и в логической избыточности сравнения, уравновешенной его метафизической необходимостью. В сравнении как разновидности широко понимаемой метафоры явлен «формообразующий инстинкт» (О. Мандельштам), в котором знание преобладает над зрением, метафизика – над физикой, индивидуальное – над всеобщим.

Список литературы

- Апресян Ю. Д.* Коннотация как часть прагматики слова // *Апресян Ю. Д.* Избр. тр. М.: ЯРК, 1995. Т. 2. С. 156–177.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной семантики // *Изв. АН. Серия литературы и языка.* 1997. Т. 56, № 1. С. 11–21.
- Белый А.* Поэзия слова. Петербург: Эпоха, 1922. 135 с.
- Блэк Макс.* Метафора // *Теория метафоры.* М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
- Мандельштам О.* Разговор о Данте // *Мандельштам О.* Избранное. М.: Интерпринт, 1991. С. 220–276.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
- Степун Ф. А.* Жизнь и творчество // *Логос.* 1991. Вып. 1. С. 98–121.
- Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.
- Телия В. Н.* К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность:* Сб. ст. / Ин-т рус. языка РАН. М., 1995. С. 25–36.

- Успенский В. А. Апология математики. СПб.: Амфора, 2012. 554 с.
- Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1997. Вып. 35. С. 146–152.
- Флоренский П. Термин // У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. С. 200–231.
- Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: УРСС, 2010. 272 с.
- Чернейко Л. О. «Ненаучная метаречь» современной когнитивной лингвистики // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: В 2 т. Уфа, 2012. Т. 1. С. 151–165.
- Чернейко Л. О. Метод как инструмент формирования научного объекта // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. Т. 2: Лингвистический анализ на грани методологического срыва. С. 37–48.
- Чернейко Л. О. Как рождается смысл: смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы его моделирования. М.: Гнозис, 2017. 208 с.
- Якобсон Р. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 272–316.

Article metadata

Title: The Concept of “Projection” and “Projective Meaning” in the Term System of Cognitive Linguistics

Author: L. O. Cherneyko

Author's e-mail: avollis@mail.ru

Author's affiliation: Lomonosov Moscow State University

Abstract. The paper proposes a nontrivial approach to the study of the mechanism of associating meanings and words in speech, which allows us to consider not their equal connection, but the projection of the unknown and/or incomprehensible to the elements of experience – a collective, molded in usual compatibility of language units, or an individual that creates occasional compatibility. The purpose of the study is to provide a detailed theoretical justification for the use of the term “projection” in cognitive linguistics and in cognitive poetics as an emerging paradigm of knowledge about the artistic text, as well as the term “projective meaning”, which allows us to approach such traditionally distinguished paths as metaphor, comparison and metamorphosis from a single point of view. The theoretical basis of the research is the concept of grammaticality of abstract substantives with secondary predicates developed by the author, the method of modeling culturally developed and artistic ideas on the abstract phenomenon calculated in projective meanings, and the principles of linguistic modeling of the semantic structure of artistic text. The argument of the relevance of the term “projection” in linguistics is based on the scientific achievements of domestic and foreign linguists, but the historical perspective requires recognition of the priority in developing a method that later received the name “conceptual analysis of the word” for such domestic linguists as A. Bely and V. A. Uspensky. In the mathematical term “projection”, which is adopted by linguistics relevant for cognitive science, the idea of dependence of the unknown on the known in the process of its mental development, as well as the idea of the “picture plane”, which can be interpreted as applied to linguistic tasks as an object plane

filled with the results of everyday experience. Projective meanings (projectives) are proposed to be considered as sensual and logical images of an abstract phenomenon, in which its meaningful cultural profiles (sides, aspects) are conceptualized and which guide the compatibility of its name, and the set of projectives is a verifiable model of the content of an abstract name. The article proposes the establishment of similarity (by projectivity) of cognitive metaphors and comparisons and their cognitive and structural differences: logical redundancy of comparison and the logical need for a cognitive metaphor for the discursive existence of abstract names. In comparison, as a kind of widely understood metaphor, there is a “form-building instinct” (O. Mandelstam), in which knowledge prevails over vision, metaphysics over physics, individual over universal.

Key terms: term system, art text, cognitive poetics, real connotation, projection, projective sense, cognitive metaphor, comparison.

Reference literature (in transliteration):

Apresyan Yu. D. Konnotatsiya kak chast' pragmatiki slova [Connotation as part of the word pragmatics]. In: Apresyan Yu. D. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Moscow, YARK Publ., 1995, vol. 2, p. 156–177. (in Russ.)

Baranov A. N., Dobrovolskiy D. O. Postulaty kognitivnoj semantiki [Postulates of cognitive semantics]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences. Series of literature and language], 1997, vol. 56, no. 1, p. 11–21. (in Russ.)

Belyj A. *Poeziya slova* [The poetry of the word]. Peterburg, Epokha Publ., 1922, 135 p. (in Russ.)

Black M. Metaphor. In: *Theory of Metaphor*. Moscow, Progress, 1990, p. 153–172. (in Russ.)

Cherneyko L. O. *Kak rozhdaetsya smysl: Smyslovaya struktura hudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie principy ego modelirovaniya* [How sense is born: Semantic structure of the literary text and linguistic principles of its modeling]. Moscow, Gnozis, 2017, 208 p. (in Russ.)

Cherneyko L. O. Metod kak instrument formirovaniya nauchnogo ob'ekta [Method as a tool of the scientific object formation]. In: *Yazyk i metod: Russkij yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyah XXI veka* [Language and method: Russian language in linguistic researches of the 21st century]. Krakov, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015, vol. 2: *Lingvisticheskij analiz na grani metodologicheskogo sryva* [Linguistic analysis on the verge of methodological failure], p. 37–48. (in Russ.)

Cherneyko L. O. «Nenauchnaya metarech'» sovremennoj kognitivnoj lingvistiki [“Non-scientific meta-speech” of modern cognitive linguistics]. In: *Prioritety sovremennoj rusistiki v osmyslenii yazykovogo prostranstva* [The priorities of contemporary Russian studies in the understanding of linguistic space]. In 2 vols. Ufa, BashSU Press, 2012, vol. 1, p. 151–165. (in Russ.)

Cherneyko L. O. *Lingvofilosofskiy analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic and philosophical analysis of abstract names]. Moscow, URSS, 2010, 272 p. (in Russ.)

Florenskiy P. Termin [The term]. In: Florenskiy P. *U vodorazdelov mysli* [At the watersheds of the thought]. Moscow, Pravda Publ., 1990, p. 200–231. (in Russ.)

Jacobson R. *Novejshaya russkaya poeziya* [The latest Russian poetry]. In: Jacobson R. *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow, Progress, 1987, p. 272–316. (in Russ.)

Mandelstam O. *Razgovor o Dante* [Conversation about Dante]. In: Mandelstam O. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Interprint, 1991, p. 220–276. (in Russ.)

Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, Progress, 1993, 656 p. (in Russ.)

Stepun F. A. Zhizn' i tvorchestvo [Life and creativity]. *Logos*, 1991, iss. 1, p. 98–121. (in Russ.)

Teliya V. N. Tipy yazykovykh znachenij. Svyazannoe znachenie slova v yazyke [Types of language meaning. The associated meaning of a word in the language]. Moscow, Nauka, 1981, 269 p. (in Russ.)

Teliya V. N. K probleme svyazannogo znacheniya slova: gipotezy, fakty, perspektivy [On the problem of associated word meanings: hypothesis, facts, prospects]. In: Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost [Language – system. Language – text. Language – ability]. Moscow, 1995, p. 25–36. (in Russ.)

Uspenskiy V. A. Apologiya matematiki [Apology of mathematics]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2012, 554 p. (in Russ.)

Uspenskiy V. A. O veshchnykh konnotatsiyakh abstraktnykh sushchestvitel'nykh [On real connotations of abstract nouns]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], 1997, no. 35, p. 146–152. (in Russ.)